

КРОКОДИЛ

К 556/38 г.



ОСЕНЬ В ТАЙГЕ

Три героини высоты,
Три славных боевых подруги,
В тайге увидели цветы
Совсем как будто бы на юге!
Впервые это над тайгой —
Цветы веселые, живые!
Ну что ж... и перелет такой
Ведь тоже совершен впервые!

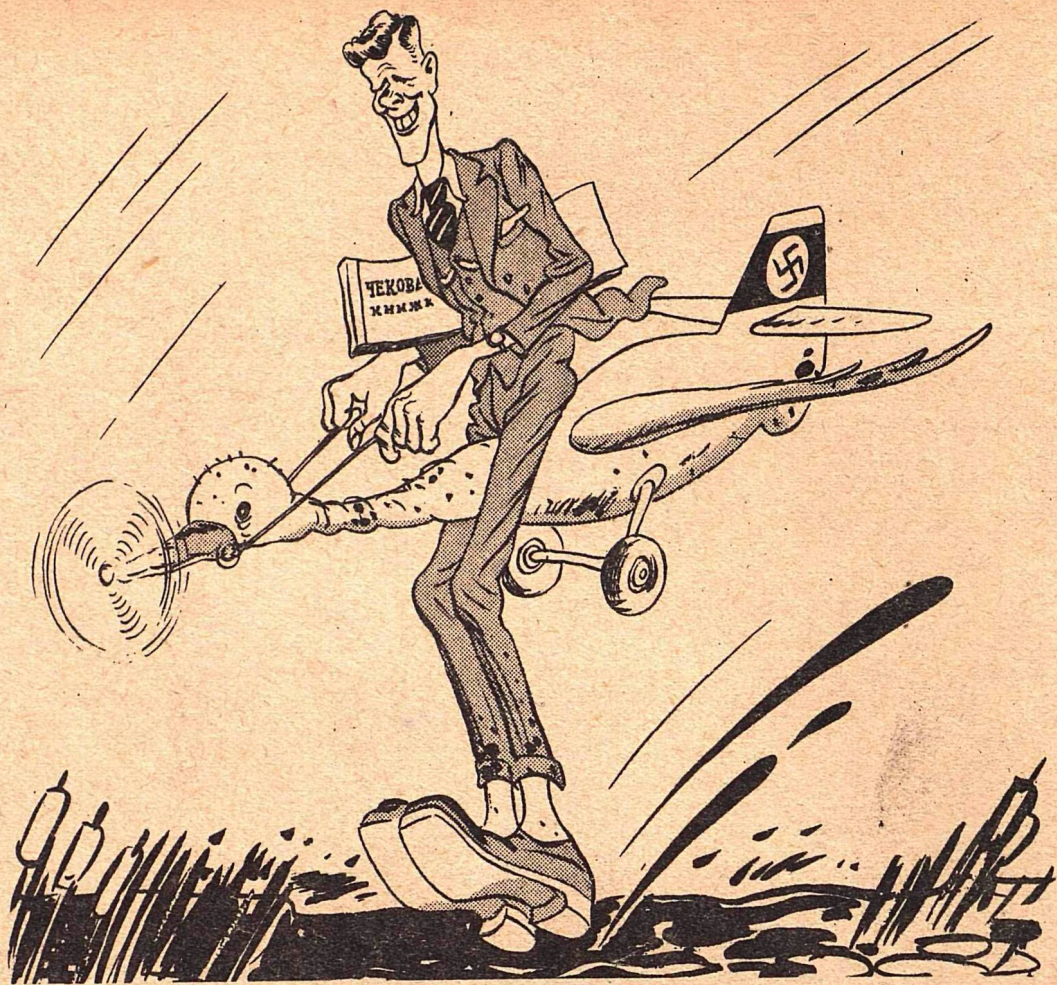


Рис. Бор. Ефимова

ПОЛЕТ НА ФАШИСТСКОЙ УТКЕ

Последний „рекорд“ Чарльза Линдберга
(с посадкой в антисоветское болото)

Без кавычек

В ДОВОЕННОЕ время понятием «интеллигент» несколько злоупотребляли. Крахмальный воротничок, котелок и смутные воспоминания гимназических лет о знаменитом римском присяжном поверенном Цицероне — вот что нужно было предъявить, чтобы тебя признали «солью земли».

Сейчас кажется странным, почему обыватель в котелке, с упоением смаковавший романы Брешко-Брешковского, ходивший по субботам ко всеобщей и раболепствовавший перед губернатором или купцом-самодуром, считался интеллигентом, а передовой рабочий, читавший Маркса, Ленина, Горького и Толстого в рабочем кружке за Нарвской заставой, — «простым, необразованным человеком»!

Впрочем, не обыватель-дикобраз был ведущей фигурой в среде русской интеллигенции. Мы гордимся тем, что русскими интеллигентами были Ленин и Чехов, садовод Мичурин и калужский учитель Циолковский, доцент Комаров — нынешний академик и президент Академии наук — и инженер Бардин, тоже нынешний академик, замечательный актер Качалов и тысячи других славных деятелей во всех отраслях знания, науки и искусства.

Слезливые интеллигенты-народники называли мужичка и рабочего «наш меньшой брат». В советской семье нет ни меньших, ни больших братьев. Все члены этой славной семьи: рабочий, колхозник, интеллигент — равны.

Да у нас и самый путь от доярки до профессора не так уж далек.

Сегодня колхозный пастух, выйдя в ночное, «поет, считая звезды, про дела отцов», а завт-

ра, глядишь, он уже считает те же самые звезды как ученый астроном. Кузнецы становятся у нас инженерами-металлургами, рядовые рабочие-стахановцы — руководителями крупнейших предприятий.

Героиня-летчица Полина Осипенко несколько лет тому назад ухаживала за цыплятами на птицеводческой ферме. Она была птичницей, а уподобилась птице.

Прекрасно сказал Михаил Иванович Калинин: «На челе нашей интеллигенции мы видим черты рабочих и крестьян».

Огромным отрядом в состав советской интеллигенции входят служащие. Они имеют равное с рабочими и колхозниками право на внимание и уважение.

Эту простую, казалось бы, мысль никак не могут освоить иные туповатые люди.

На Ленинградском заводе имени Карла Маркса служащих в дни революционных праздников всегда ставят в хвост колонны.

Даже если своими производственными показателями в порядке социалистического соревнования с цехами контора завоеует право идти первой за заводским знаменем, — все равно служащих поставят последними.

Почему?

— Потому, — неопределенно мычат парткомовские политиканы. — Вы же служащие. Понятно?

— Непонятно! Разве служащий — это человек, сделанный из второстепенного материала!

— Нет, конечно! Но все-таки... Неудобно. Политиканы так и не дадут членораздельно-

го ответа на этот простой вопрос. «Неудобно» — и все тут. А ведь на том же заводе имени Карла Маркса среди служащих имеются прекрасные производственники, люди безупречной трудовой жизни.

Есть среди них и стахановцы, выдвинутые на руководящую работу из цехов. У сложнейших счетных машин в конторе работают их дочери, — они ничем, даже по существу, не отличаются от работниц из цеха.

Все равно им придется стать в хвост, на запылку: они «служащие».

Крокодил обещает читателям, что он примет посильное участие в разоблачении политических тупиц, привыкших смотреть на служащих как на хвостовое оперение советской трудовой колонны.

Спешим, однако, предупредить бюрократов, волокитчиков, склочников, бумагомакак, клеветников и всю прочую нашу постоянную клиентуру, что им рассчитывать на амнистию после опубликования настоящей декларации не следует.

К ним эта декларация не относится.

Крокодил не собирается ставить свои вилы в угол.

И если посаженный нами на вилы бюрократ завопит: «Вы что, с ума сошли?! Вы посадили на свои проклятые вилы советского служащего — интеллигента!», — мы ответим ему: «Мы посадили на вилы плохого интеллигента, никому не известного служащего. Сидите спокойно!» Мы за подлинных интеллигентов — без кавычек. Мы против интеллигентов в кавычках.



Рис. Л. Генча

ПРИЯТНАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

- Кто у нас ведает производством ширпотреба?
— Как кто? Да я же... Второй год сидим по соседству.

Склочник



ТОМУ, что в Зоопарке было много посетителей, имелось три причины: во-первых, был выходной день; во-вторых, день был погожий; и, в-третьих, давно уже начался учебный сезон, а следовательно, все малолетние граждане столицы съехались из лагерей, из деревень, с дач и иных видов летней резиденции для ребят. Само собой разумеется, детей сопровождали взрослые. Пожалуй, взрослые еще больше чем дети наслаждались и солнечной погодой, которая осенью радует и тревожит как-то особенно, и всем этим разнообразием животных в клетках, на выгонах, на прудах, в аквариумах, в террариумах.

Может быть, единственным человеком, равнодушным и к солнцу, и к погоде, и к зверям, был посетитель Зоопарка лет сорока, в дурной серой шляпе, которая, соскользнув по бритой голове, наехала на самые уши и брови. Этот посетитель, застегнутый на все пуговицы демисезонного пальто, со скучным лицом водил за руку девочку лет шести. Девочка чинно перебирала ножками в серых чулках и круглых сандалиях, похожих на копытца. Послушно останавливалась у каждой клетки и у каждой же клетки спрашивала про ее, клетки, обитателя одной и той же тягучей интонацией:

— А он куса-а-ается?

Скучный папа ее, занятый своими мыслями, про всех животных отвечал, что они кусаются. — А если его не тро-о-огать?

Тут папа комкал ответ, и оба шли дальше.

У вольеры, где резвилось, по крайней мере, два десятка маленьких обезьян, скучный гражданин с ребенком остановились надолго. Девочка пыталась выяснить совершенно точно относительно каждой обезьяны: кусается она или нет? Обезьяны прыгали, шалили, дрались и перемещались по вольере с такой быстротой, что девочка сбилась и замолчала. Молчал и отец. Он стоял, опершись поясницей на барьер решетки, щурил глаза и жевал губами.

Внезапно на плечо его легла чья-то рука и солидный бас произнес:

— Товарищ Кологривов! И вы здесь?

Скучный Кологривов повернул голову и кисло улыбнулся: перед ним стоял знакомый и отчасти даже сослуживец.

— Да вот дочку привел,— пояснил Кологривов,— и вы с дочкой?

— Угу! Тася, подай же ручку сперва дяде, а потом вот — девочке...

Через минуту обе девочки, взявшись за руки, обменивались впечатлениями касательно обезьян: они выясняли, какая обезьянка им нравится больше всех, а какая — меньше всех. Папаши между тем беседовали о своих делах. Оживившийся Кологривов рассказывал:

— Понимаете, теперь они мне говорят, что мое заявление против Муштакова не обосновано в части срыва им, Муштаковым, заготовок цитварного семени. Я, знаете, туда... Я — сюда... И что же вы думаете?

Но собеседник явно ничего не думал: лицо у него было грустное, какое бывает, когда слушаешь об утомительной и неинтересной чужой склоке.

— И вдруг! — тут Кологривов даже поднял кверху указательный палец. — Вдруг я нахожу у себя в архиве вот эту вот бумажку...

Кологривов вынул из кармана кучу истлевших или уже истлевших бумаг. Долго ворошил их и, наконец, отделив одну, самую желтую и грязную, с торжеством показал собеседнику:

— Вот! Извольте убедиться: датировано 1935 годом. И какое счастье, что она у меня нашлась, потому что Савохин, который подписал эту бумагу, давно уже не работает, весь архив передан в наркомат... Словом, кроме этой бумаги, следов не найти.

Кологривов сделал ехидное лицо и добавил:

— А бумажка-то интересенькая! Тут что написано? Тут написано вот что...

Кологривов энергичным жестом отодвинул от себя бумагу, намереваясь ею любоваться, как картиной. Вследствие такого жеста рука с бумагой оказалась у самой сетки, которой заканчивалась вольера.

И тут произошло нечто неожиданное: у сетки на мгновение возникла маленькая коричневая ручка, схватила бумагу и исчезла вместе с ней.

— Оля, не шали, пожа... — привычно начал было Кологривов, обращаясь к дочери, и вдруг понял, что дочка здесь не при чем: бумагу похитила обезьяна.

Кологривов стал смотреть на обитателей вольеры и сразу признал похитительницу: на изогнутом и голом стволе дерева, почти под самым потолком, сидел симпатичный, чистенький резус с оттопыренными ушками и вдумчивыми серыми глазками. В передних руках он держал бумагу, рассматривая ее, словно мог прочесть напечатанное на ней отношение о недозаготовке цитварного семени за 1935 год.

— Ты! Как тебя! Тубо! Иси! Слышишь: сию минуту иси с бумагой! — закричал на обезьяну Кологривов.



Обезьяна поглядела на склочника и поднялась по дереву чуть выше.

В публике раздался смех. Стала прибывать толпа.

— Ты с ума сошла! — вопил Кологривов и грозил обезьяне палкой. — У этого документа даже нет копии! Понимаешь ты или нет? Отдай справку!

В ответ на эти вопли и угрозы палкой почти все обезьяны, находящиеся в вольере, отвечали дикими скачками и верещаньем. Спокойно сидела только обезьяна с документом в руках.

— Кто здесь главный? — обратился Кологривов к людям. — Есть тут ответственное лицо?

Подошел молодой человек очень приятного вида и очень вежливо сказал:

— Что вам нужно, гражданин?

— Вы здесь — это... дрессировщик?

— Я не дрессировщик. Я заведующий отделом человекообразных.

— Тем более! Скажите ей, чтобы она отдала мне мою справку!

Молодой человек усмехнулся:

— К сожалению, она вряд ли меня послушает.

— Оставьте, пожалуйста! Я сам заведующий. И я знаю, что если что-нибудь я скажу, то меня слушаются у меня в отделе!

Вокруг засмеялись еще громче. Кологривов, понявший, что довод вышел не очень убедительным, сказал:

— Наконец, изолируйте эту обезьяну, и тогда я сам отниму у нее отношение...

— Пока мы изолируем, она порвет вашу бумажку.

— То есть как порвет?! Она понимает, что она делает?! Я вижу, вообще у вас среди обезьян не ведется никакой работы! Вот у Дурова несчастный пегух, и тот знает, что ему надо делать... А это, вы сами говорите, — человекоподобные.

Молодой человек пожал плечами.

— Смотрите, смотрите! — вскричал опять Кологривов. — Она спустилась вниз. И справка у нее. Пусть она хоть покажет текст бумаги через сетку вот этому товарищу. Он потом заверит этот текст.

В этот момент обезьяна быстрым движением рук порвала бумагу. Один кусок она сунула в рот, а другой бросила на пол, где его немедленно подхватили другие обезьяны.

Кологривов ахнул и грустно опустил руки. Через минуту он спросил грозным тоном:

— Жалобная книга у вас есть?

Молодой заведующий обезьянником, указывая рукой путь, ответил:

— Пожалуйста, там, у павильона тигров.

— Что?! Чтобы написать жалобу, я должен входить к тиграм?! Ну, знаете, порядочки!..

— Нет, ходить к тиграм не надо. Это только недалеко от павильона...

Но Кологривов, схватив за руку дочку, уже прокладывал себе дорогу через толпу. Он громко ворчал:

— Ну погодите!.. Свидетели у меня есть... Посмотрим, как вам помогут ваши обезьяны! Не-ет... я сразу же подам заявление об этом деле... Вы у меня, молодой человек, недолго будете заведывать обезьянником!..

Девочка пыталась останавливаться у иных клеток, но отец неумолимо тянул ее к выходу.

В. АРДОВ

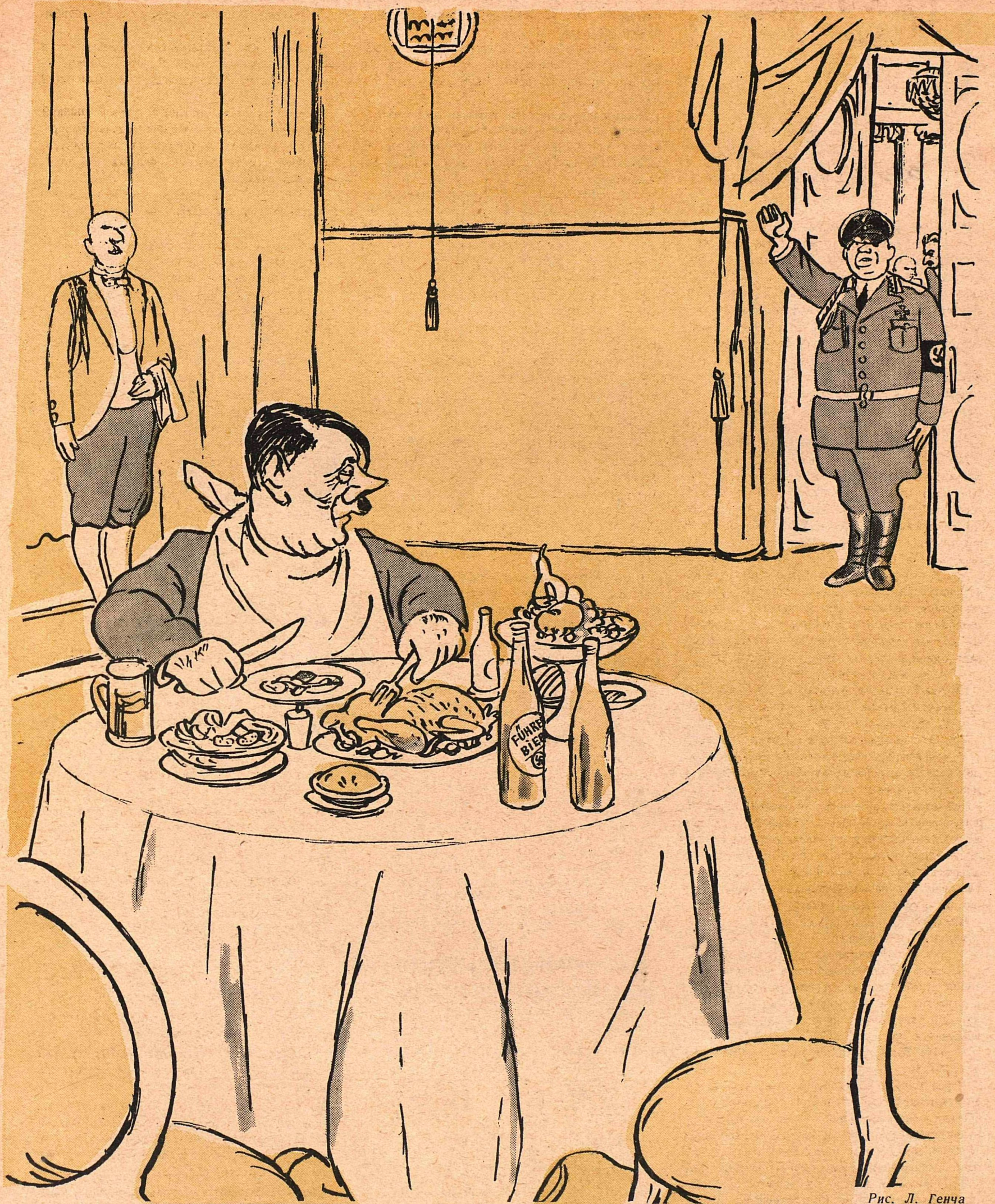


Рис. Л. Генча

ПРИЯТНЫЕ ГОСТИ

— Там пришли Чемберлен и Даладьё...
— Пусть войдут. От их присутствия мой аппетит только усиливается.



Дор. Ефимов-38.

Рис. Бор. Ефимова

НАУЧНАЯ КОМАНДИРОВКА

— Вам дается серьезное задание: вы должны привезти из Берлина точные размеры истинно-римского носа и истинно-римского лба.

Д И А Г Н О З

Я встретился с Васей Конторкиным в столовой № 7.

— Хочу, знаете, в водолазы податься,— сказал Вася, отгоняя от столика мух.

— Хорошее дело. А как со здоровьем у тебя, Вася? — спросил я, подымая повыше зажатые между пальцев талоны. — У водолаза, знаешь, какое здоровье должно быть.

Загибая пальцы, Вася говорил:

— Я здесь два года обедаю и никогда ничем не болел. Стало быть, желудок у меня прекрасный. Зубы у меня чудесные. Ножом ведь здесь никогда не бывает, а я со здешним гуляшом одними зубами управляюсь.

— Молодец! А нервы как у тебя?

— Железные! Вот второй час жду третьего блюда и из терпения не вышел!

— Водолазные нервы. А со зрением как?

— У кассы, замечаете, какая толпища?

— Еще бы! Если меню в единственном экземпляре.

— А я вам его сейчас издали, из-за спин, прочитаю. Вот: «Суп перловый, щи суточные, битки, гуляш...»

— Ну, что ж, — перебил я, — по здоровью ты годишься в водолазы, Вася! Вполне годишься!

В. ТОБОЛЯКОВ

ИСЧЕРПЫВАЮЩАЯ СПРАВКА

РЕДАКЦИЯ Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
МОЛОДОЙ Ленинец

11 сентября 1939 г.

Уважаемый тов. МУЗИН!

Написать исчерпывающее о Франциско Гааль не можем, так как она артистка Чехословацкой республики. Чехословакия не входит в Советский Союз. Запросить же Чехословакию о ней не имеем никакого права. Она не так уж знаменита, чтобы о ней печатали в газетах, журналах, брошюрах.

С приветом. Ирисовская, Примостова

Кто «не так знаменита»? Если это говорится о Чехословакии, так всем известно, что об этой стране каждый день пишут в газетах.

Но, очевидно, корявая последняя фраза относится к артистке Гааль (Франческа, кстати сказать, а не Франциско). Что ж, мы думаем, что не только о знаменитых людях пишут в газетах и журналах: написали же мы о Примостовой, которая подписала и, видимо, сочинила прелестное письмо, приведенное выше. Правда, написали в связи с выдающейся безграмотностью этого документа.

Удивляемся, как это Примостова определила, что Чехословакия не входит в Советский Союз. Это просто подвиг с ее стороны.

Например фамилию читателя своего, который послал запрос, Примостова тоже успела перепутать: его фамилия Кузин, а не Музин.

Стоит ли после всего изложенного отмечать, что Франческа Гааль — не чешская, а венгерская артистка?..

Исчерпывающая справка!

НЕГРАМОТНАЯ МАСКА

Некогда в чемпионатах французской борьбы непременно появлялся борец, «скрывшийся под черной маской». Так сказать, рыцарь под забралом.

Давно уже не приходилось нам встречать таких анонимов, а вот теперь и привелось.

Сперва мы получили жалобу от товарища, посланного по окончании техникума на работу в Куйбышевский карбюраторно-арматурный завод. Товарищ жаловался, что пять человек молодых специалистов на заводе были приняты очень дурно и принуждены были жить в помещении для этого непригодном. Мы запросили дирекцию завода. Ответ пришел за подписью, которую ввиду неразборчивости мы и считаем чем-то вроде «черной маски». В самом деле: что могут сказать уму и сердцу такие знаки:

Н* о/к М... (еще несколько букв, расшифровке не поддающихся).

Однако ответ примечателен не только отсутствием подписи. Хорош он еще и по оценке факта, о котором трактует, и главное — по живой прелести стиля, коего лучшим украшением нужно признать неграмотность. Впрочем, вот она, эта бумага:

В редакцию журнала Крокодил
На ваш запрос от I/VIII-38 за № 10308 О Гостеприимстве завода К.К. А.З. Молодых Специалистов. Подтверждаю что Гутапом присланы 5 Молодых специалистов в разилох. С Жил площадью на заводе весьма затруднительное положение Временно пришлось поместить на кухне в бараке № 69, Описанное жительство преувеличено. Это не просто барак, а бывшие ясли и очаг. Анти Санитарным суждениям не подлежат. Что касается письма тов. Крокодилу, то просто тов. Лебедев побоялся пережить временных затруднений. в настоящее время двоих перевели в центральное обще житие (Гостинница). Один

из них более стойкий и сейчас безропотно работает с надеждой на лучшее, более заинтересован производством и менее комфортом, а двое из них бросили производство и поехали искать в первую очередь привелегий как молодым специалистам, а потом проявить какойнибудь интерес производству.

Ну вот и все а остальное судить тебе тов. Крокодил.

Н* о/к М

Так вот, дорогая неграмотная маска, прочитали мы ваш ответ. До этого нам жалко было тех товарищей, которые так дурно приняты на вашем заводе. А после прочтения вашего послания нам стало жалко и всех тех, кто принужден работать рядом с вами или — что еще хуже — под вашим руководством.

ВЕЧЕРИНКА ВСКЛАДЧИНУ

Ну, все знают, как это делается: желающие попить граждане вносят обусловленную сумму, как говорится, с носа, затем собираются вместе и посылно веселятся. Возможен и такой вариант: каждый из участников пирушки приносит с собой часть предметов, потребных для веселия и угощения. Ну, там один тащит вино, другой — помидоры, третий — фаршированный перец в консервах и т. д. . .

Именно в виде «вечеринки вскладчину» мыслят себе курсы по повышению квалификации в саратовском обфинотделе. Почему мы так думаем? А на основании вот этой бумаги:

Выезжая на курсы повышения квалификации, захватите с собой следующее:

Тетрадей или бумаги писчей.

Глезен «Бюджетная система».

Гальперин «Основы балансового учета». Программы (финансы и кредит, местный бюджет и учет исполнения бюджетов).

Если есть в сельпо графинны для воды емкостью литра 2 и больше, то купите для курсов, захватите счет на купленное.

Захватите с собой чай китайского и чайник, так как будете размещены в общежитии.

С приветом ПОЛЯКОВ.

Чем не вечеринка? Даже графинны с собой нужно брать!

И главное — хорошо как метод. Сегодня курсы вскладчину, завтра учреждение вскладчину (каждый сотрудник приносит с собой стол, стулья, немного бумаги, может быть, телефон, и получается трест), послезавтра — стадион.

Кто же изобрел этот дивный метод? Не тот ли Поляков, который подписал вышеприведенный циркуляр?.. Тогда — венок этому Полякову! Диплом! Грамоту!..

Только пусть Поляков сам позаботится изготовить себе все знаки почета. На курсантов этого перелаживать нельзя!

ХУЖЕ МАЛЕНЬКИХ

Маленьким детям что ни дай в руки, из всего они сделают себе любимую игрушку. Который ребенок любит танки, то и будет делать танки из спичечной коробки, из куска фанеры, из гвоздей, из ваты... Если девочка расположена к куклам, — все у нее кукла. И коробка изпод консервов, и тряпка, и окуроч даже.

Так и головотяпы. За что ни возьмутся, непременно выйдет у них свое любимое — глупое. Вот, скажем, в Омской областной конторе Госбанка решено было провести социалистическое соревнование. Казалось бы, чего лучше? Но попало хорошее дело в руки головотяпов: управляющего отделением Павления вкупе с инспектором Талановым — ейн, цвей, дрей! — и, пожалуйста, перед вами чушь, дичь совершенная. Убедитесь сами:

ИНФОРМАЦИЯ

В целях улучшения руководства соцсоревнования и стимулирования его действительно подъяма предлагаю:

1. В декадный срок с момента получения настоящего письма Всем управляющим отделениями заключить индивидуальные договоры с управляющими соревнующихся филиалов и копии обобщенно подписанных договоров выслать в секретариат конторы.

3. Отчетность по соцсоревнованию представлять в секретариат.

5. ...За невыполнение указаний по этой части будут привлекать к ответственности вплоть до снятия с работы и отдачи под суд.

П. п. управляющий — Павления.

Инспектор — Таланов.

Это в порядке социалистического соревнования — под суд! Ну, прямо как маленькие! Нет! Хуже маленьких! Ребенок — он вырастет и перестанет заниматься чепухой. А головотяп до самой могилы все будет чудить, все чего-то придумывать, чего придумывать не надо.

УБИЙВОВК СОЧИНЯЕТ

Начинается бумага совершенно деловито:

ОНУФРИНСКОМУ РЗО

Обл. лечбюро сообщает, что эпилептики, не проявляющие психического расстройства и не опасные для себя и окружающих, никуда не направляются, а подлежат наблюдению и систематическому лечению на месте.

Ниже следует смелая историческая справка:

...Петр I был эпилептиком, однако в психолечебнице не состоял, а был большим реформатором.

Еще ниже следует подпись:

Зав. Обл. лечбюро УБИЙВОВК.

Итак, сжалившись над Петром, Убийвовк признал за ним, кроме эпилепсии, еще кое-какие государственные заслуги.

Очевидно, что у заведующего Полтавским обллечебюро глубоко клинический подход к истории. Почему он, Убийвовк, и склонен рассматривать великих людей прошлого прежде всего как пацентов.

— Людвиг Ван-Бетховен, — наверное, рассуждает Убийвовк, — глухой и потому интересен для отоларингологов, слепой Гомер — объект для окулистов, Байрон — для ортопедов.

О том, что первый из них довольно популярен как музыкант, а два других оставили некоторый след в литературе, у тов. Убийвовка имеются самые смутные сведения.

Исходя из этого, мы рекомендуем тов. Убийвовку не прибегать в сугубо специальной переписке к историческим примерам, дабы не подвергать себя риску снова влипнуть в смешную историю.

РАЦИОНАЛИЗАТОРСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

На хлопковом заводе № 2 в городе Коканде было решено переоборудовать и усовершенствовать единственный на все это предприятие четырехместный душ.

Поручили эту работу прорабу С. Г. Боженко. Он разобрал старый душ, а новый вот уже полгода выстроить никак не соберется. Полгода!

Когда председателя завкома хлопкозавода Колтыгина спросили, в чем дело, — он ответил:

Неоднократно ставился вопрос, как на заседании парткома, так и на пленуме завкома о восстановлении душа, но все же до сего времени душ в таком же состоянии т. е. не восстановлен, вина в этом исключительно прораба Боженко. О чем и ставим вас в известность.

Предзавкома Колтыгин.

Получается, как видите, полное разделение труда: Боженко саботирует, а партком и завком ставят вопрос.

Это разделение труда будет продолжаться, видно, до тех пор, пока на хлопкозаводе № 2 не будет устроена баня. И не вместо душа, а по поводу душа. Баня руководителям парткома и завкома за бездействие в вопросах охраны труда.

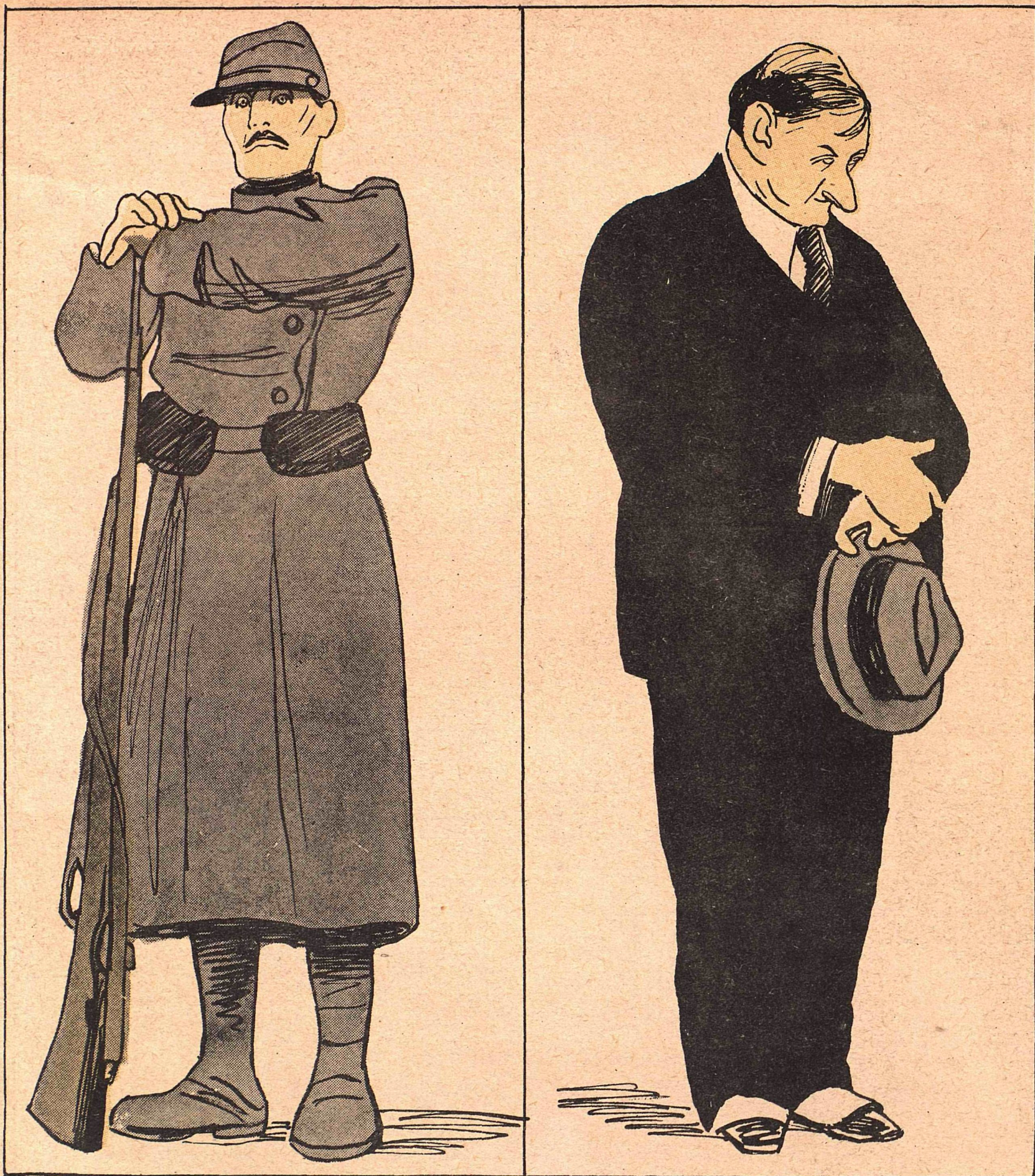


Рис. Л. Бродаты

ГЕРОИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Французский рабочий Жан Дюваль—герой Вердена.

Эдуард Даладьё—герой Мюнхена.



Бор. Ефимов. 38

Рис. Бор. Ефимова

АЛТАРЬ МИРОЛЮБИЯ

— Во имя мира мы охотно идем на некоторые жертвы.
Особенно за чужой счет.

Эстет

Он был эстетом.

Свою жену Веру он называл Вероникой и говорил ей только «вы».

— От «ты» недалеко до цыпленочка,— утверждал он,— или до хамских сцен. Не надо.

Если Вероника выходила в соседнюю комнату, он просил:

— Пойте мне. Тогда я не буду чувствовать себя одиноким.

Вероника считала, что таких мужчин больше нет на свете.

— Он жуткий эстет,— хвасталась она подружкам,— для него красота — все. Клянусь! От неэстетичного у него физически болят нервы. И какой он чуткий!

Леонид Николаевич был юрисконсультом. Вероника через день ходила к косметичке. Там ей мазали лицо куриным яйцом, делали «открытие пор» и «массаж-вальс». Там же можно было кое-что купить и кое-что продать. Возвращаясь от косметички, Вероника встречала мужа, он целовал ей руку выше перчатки, и они шли по коммиссионным магазинам. Это была благородная страсть: они собирали фарфор.

— Все преходяще,— утверждал Леонид Николаевич,— только красота вечна. Посмотрите, Вероника, каков этот «Копенгаген»? А? Прелестно?

Однажды они истратили много денег сразу, и Леонид Николаевич поступил еще на одну службу. Оказалось, что совмещать не так уж трудно. Тогда Леонид Николаевич купил себе трамвайную карточку и устроился юрисконсультом в отдел строительства ограждений исторических мест и в артель «Труд деревообделки». Таким образом, у него оказались четыре службы.

Все было отлично.

Вероника поставила себе платиновые корон-

ки, а Леонид Николаевич дома надевал на палец перстень с камнем и курил из ятарного мундштука. В тех случаях, когда у него физически болели нервы, Вероника пела ему что-нибудь успокаивающее. Он гладил ее руку и говорил:

— С вами я чувствую себя ребенком, и все плохое делается далеким-далеким. Моя Вероника! У вас русалочьи глаза, вы знаете это?

Вероника загадочно смеялась и читала нараспев эстетские стихи самого Леонида Николаевича:

«Вы загадочны, экстравагантны,
Но вы никак не педантны...»

И вдруг все пошло к чорту.

Как-то, будучи в самом радужном состоянии духа, Леонид Николаевич выяснил, что артель «Труд деревообделки» должна обязательно подать в суд на отдел строительства ограждений исторических мест и памятников.

Леонид Николаевич побледнел.

И там и тут он служил юрисконсультом, и было страшновато подавать в суд на самого себя.

Выпив валерянки, он пошел к председателю артели Зубаткину.

— Может быть, мы уладим мирным,— сказал Леонид Николаевич.— Я с'езжу к ихнему начальству и побеседую.

— Я уже звонил,— сказал Зубаткин,— не идут навстречу. Мы на ихние памятники затратили средства в текущем квартале, а они платить хотят в будущем квартале. Хитрые какие! Будем судиться. У них юрисконсульт — дока?

— Да как вам сказать... — промямлил Леонид Николаевич.

— Вот я ему сейчас брякну по телефону,— сказал Зубаткин,— поглядим, как он запыргает...

Его сейчас нет на месте,— поспешно сказал Леонид Николаевич,— он через часок будет. Я звонил:

— Ну через часок брякну,— сказал Зубаткин.

Леонид Николаевич сел в трамвай и умчался в отдел по охране. Ровно через час позвонил Зубаткин. Леонид Николаевич взял трубку и ответил женским голосом. Секретарша поглядела на него с недоумением.

— Приятеля одного разыгрываю,— прошипел ей Леонид Николаевич,— шучу. Понимает? Это шутка!

Зубаткин говорил длинно и вразумительно. Леониду Николаевичу было жарко и стыдно. Под конец разговора он даже попробовал засмеяться как обольстительная женщина, но из этого ничего не вышло, получилось почему-то басом.

На основной службе Леонида Николаевича ждала новая беда: директор «Лесопилдоставки» тов. Блейман, большой шутник, сказал Леониду Николаевичу:

— Слышали? Они судиться будут. Топорно вас долбану (это значило: покорно вас благодарю). А мы что? Немедленно иск отделу по охране, а то «Деревообделка» все деньги с них стянет.

— Но, товарищ Блейман,— начал Леонид Николаевич.

Блейман был неумолим. Леонид Николаевич покрылся холодным потом...

— Конец всему,— сказал он Веронике.— История юриспруденции не знала подобного случая. Кроме того у меня какие-то колики под ложечкой...



Рис. Л. Генча

— Если будешь капризничать,— придет трубочист и унесет тебя в лес.

— Подумаешь! Пошлют 50 самолетов и найдут меня.

— Может быть, мы поедem на периферию? — спросила Вероника.

— На какую периферию? — злобно спросил он. — На какую периферию, идиотка?

Ко дню суда он заболел для «Древообделки» и для «Лесопилодоставки» и остался здоров для отдела охраны. Так как истец не явился, то суд отложили. На другой день он остался здоров для «Лесопилодоставки» и заболел для остальных.

— Позвольте, — сказал судья. — В прошлый раз, если мне не изменяет память, вы представляли интерес отдела охраны?

— Именно.
— А сейчас?

— Сейчас я, так сказать, перешел на другую работу. Моя прошлая работа не удовлетворяла меня...

— Угу, — сказал судья.

К третьему разу он готовился восемь дней. Это было очень сложно. Во-первых, он научился картавить, во-вторых, Вероника завила ему волосы барашком, в-третьих, он отпустил себе легкие усики, в-четвертых, надел толстовку и высокие сапоги. Теперь он представлял «Древообделку» и был истцом...

— Позвольте, позвольте! — сказал судья. — Ваша фамилия?

— Бу'ков, — прокартавил Леонид Николаевич.

— А ответчика?

— Бурков, — бойко сообщил Леонид Николаевич.

— Но Бурков и Бу'ков — разные лица?

— Дело в том, — начал Леонид Николаевич, — что несколько дней назад...

— Вы перешли? — спросил судья.

— Именно, — сказал Леонид Николаевич.

Неподалеку кто-то захохотал. Леонид Николаевич оглянулся и замер: Блейман и Зубаткин сидели рядом и хохотали.

Он вернулся домой.

Вероники не было.

— Где? — спросил он у домработницы.

— До косметички ушли.

— Так.

Он сел.

Через полчаса пришла Вероника.

— Радуйся, — сказал он, — твоего мальчика прогнали со всех служб. Косметички! Фарфоры! Платиновые коронки! О, гадина! «Массажвальс» делала? Говори, делала? Сознаться!

Вероника заплакала.

А Леонид Николаевич взял с полочки саксонскую чашку похуже и разбил ее об пол.

Ю. GERMAN

Выступление клеветника

На бурном собрании поставлен вопрос.

«Такого-то дня и такого-то года
Салазкин опять заявление принес,
И заявление... известного рода».

Потребовал фактов взволнованный зал.

Поднялся Салазкин и вот что сказал:

«Вы просите фактов, их нет у меня,

Но в сердце моем подозренье живучи.

Во-первых, он ходит, слегка семеня,

И ус подозрительно кверху закручен.

Но это еще, так сказать, не беда,

На этом настаивать сильно не буду.

Но вот борода у него, это — да!

Зачем борода? Почему и откуда?

Чего вы смеетесь? Беспечный народ...

Слепым не увидеть змеиного жала.

Он собственник ярый: не даром поет,

Что будто жена его садик сажала,

Сама поливала! Ну как не понять,

Что тип этот должен быть нами изучен?

Вы просите фактов, их нет у меня,

Но в сердце моем подозренье живучи».

Ф. САЧКОВ



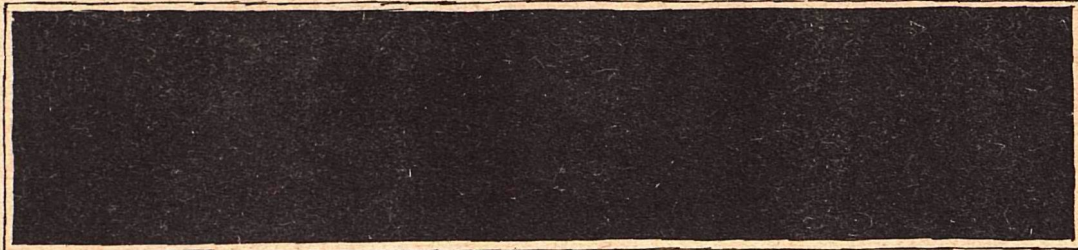
Рис. Л. Бродаты

В ГЕРМАНИИ

— Мама, когда ты была маленькая, твоя мама тоже ничего не ела сама?..



У фрау Амалии гости.



На секунду погас свет.



АМЕРИКАНСКИЕ БУДНИ

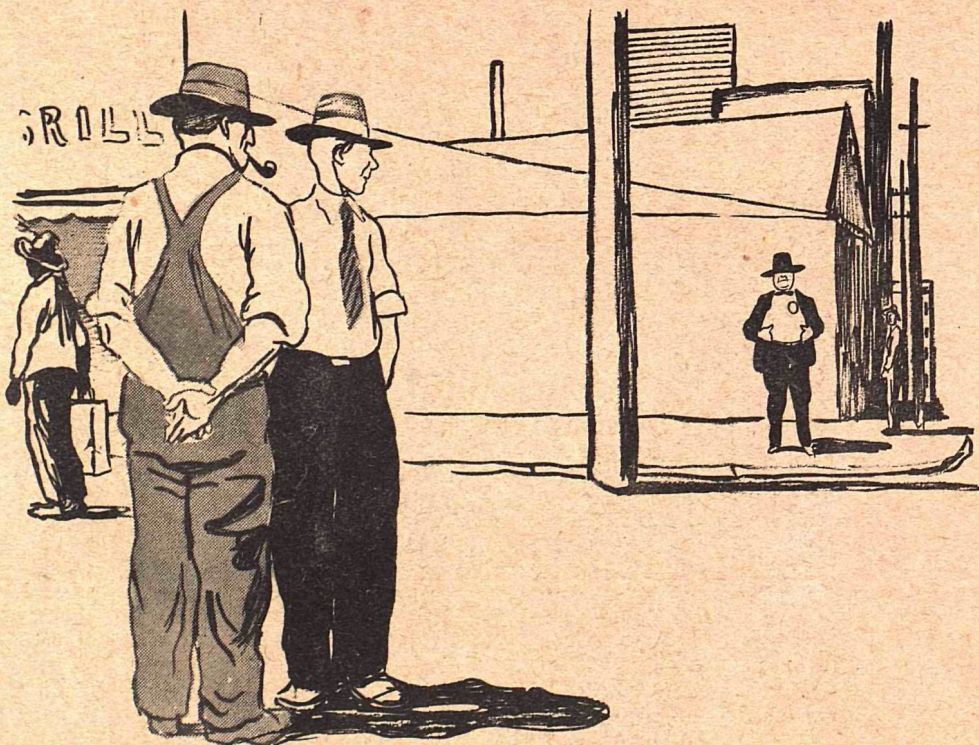


Рис. Л. Бродаты

— Неужели бандит Джонсон попал, наконец, в руки полиции?
— Не совсем так. Полиция попала в его руки: он назначен шерифом.

Кремневая старушка

НА ПУТИ к вокзалу им повстречался пьяный отец Федосий. Поп петлял по тропинке, напевая нечто божественное. Время от времени он взмахивал руками, видимо, изображая собой бабочку.

— Прихожанам привет! — сказал Федосий и сделал реверанс.

— Счастливо оставаться! — ответил Петя, и поп, раскачиваясь, зашагал дальше, подметая рясой дорожную пыль.

— Никак, у вашего батюшки рессоры ослабли? — осведомился Петя у своей престарелой спутницы.

— Бог ему судья! — вздохнула Дарья Семеновна, как бы уклоняясь от щекотливого разговора.

Старушка довольно тонко скрывала свои религиозные воззрения. Но Петя располагал весьма веским доказательством приверженности Дарьи Семеновны к церкви. Бабка и не подозревала, что у Пети хранилось собственноручное ее письмо, адресованное митрополиту. В письме Дарья Сухаркова жаловалась, что отец Федосий третий месяц пьет горькую, манкирует всенощными и обеднями («Какое жалованье, такая и служба», — говорил он), и просила митрополита по возможности срочно прислать к ним в деревню негулящего попа.

Но московская почта по ошибке доставила письмо не митрополиту, а в метрополитен.

Эскалаторщик Петя Силин узнал о письме в управлении метро, куда заходил перед отъездом в отпуск. Петя смеялся и острил над необычайным посланием, пока случайно не взглянул на оттиснутый на конверте штемпель. Вот тебе и раз: письмо оказалось присланным из его родной деревни. Несколько смущенный, эскалаторщик тут же обещал метрополитенцам отыскать во время отпуска Дарью Сухаркову и наставить ее на правильный путь.

Но старушка оказалась твердой, как кремль. Она ничем не выдавала своих отсталых взглядов. Тогда Петя решил действовать сильными средствами. Он уговорил Дарью Семеновну съездить на несколько дней в Москву.

Через два дня они были в столице. В тот же вечер, дав старушку на попечение своей соседке — протирище мрамора, — Петя отправился на собрание комсомольской группы.

— Товарищи! — обратился Петя к собранию. — Видимо, всем известна история с письмом религиозной старухи, требовавшей от митрополита попа-трезвенника?

— Известна! — подтвердили комсомольцы.

— Эта старуха, — торжественно сказал Петя, — прибыла в Москву. Я ее привез. Товарищи! Старуха эта во власти нездоровых настроений. Она мечтает уютно пожить на небе, занимаясь там пением псалмов, плясками и прочей художественной самодеятельностью. Наша задача — в кратчайший исторический срок освободить старушку от груза религиозных верований. Я считаю, что на самую закоренелую психику наша чудесная Москва подействует в лучшем виде. Какие на этот счет будут предложения?

— Мне кажется, — сказала тоненьким голосом Наташа Лопухина, — что хорошо бы для начала показать бабушке канал Волга—Москва. Агитация должна быть конкретной.

— Начинать надо не с канала, — авторитетно возразил Петя. — К таким чудесам темного человека следует подготовить.

— Тогда свезти ее в Третьяковку.

— На «Анну Каренину».

— В Антропологический музей.

— На стадион «Динамо».

— Товарищи! — сказал Петя. — Кремневая старушка не устоит перед тремя объектами: Планетарием, Антирелигиозным музеем и нашим метро.

Все довольно быстро согласились.

Утром, вырядившись в новый костюм и по-

вязав лучший галстук, Петя повел старушку на Садовую, в Планетарий. Всю дорогу Петя так усердно угощал Дарью Семеновну эскимо, что у старухи разболелись зубы.

Планетарий Дарья Семеновна понравился. Без особых споров она приняла коперникову гипотезу построения мира. Петя торжествовал.

Обедать Наташа повезла бабу в дорогой ресторан, где кормила ее шашлыком по-карски.

Вечером, по уточненному графику, Дарья Семеновна должна была присутствовать на балете. «Кавказский пленник». Но летчица-безотрывница Валя Гвоздева с новой станции «Белорусская» категорически потребовала отвезти Дарью Семеновну на Тушинский аэродром. Пришлось уступить. Дорогой Валя уговорила старушку подняться с ней на самолете, принять «воздушное крещение».

Когда на аэродроме было готово все к полету и бабу взбиралась на место бортмеханика, Петя конфиденциально отвел Валу в сторону:

— Учти, что старушка довольно жидкая. Не вздумай фигурировать! Войдешь со старухой в затяжной штопор — получишь по комсомольской линии строгий выговор!

Но все обошлось благополучно. Почти весь следующий день Дарья Семеновна провела в парке культуры, осмотрев его целиком, от выставки «Экономия металла» до аттракциона «Чортово колесо». Целую пятидневку, забыв о намеченном плане, комсомольцы таскали старушку по музеям, театрам и выставкам.

В выходной Дарья Семеновна отправилась осматривать метро. Ее сопровождали лучшие пропагандисты электромеханической службы.

Дарья Семеновна долго семенила между колоннад, по-хозяйски ошупывала мрамор и одобрительно отзывалась о чистоте. Когда старушка устала, ее отвели под платформу. Здесь оказались многочисленные служебные помещения, красный угол, душевая.

В красном уголке Дарья Семеновна присела отдохнуть на диван и стала перебирать журналы. Пропагандисты решили, что настал благоприятный момент для лобовой атаки.

— Вспомнил интересный факт, — сказал один из них, будто бы невзначай. — Когда в царской России проводили первую железную дорогу, попы говорили, что это дьявольская затея.

— Глупости! — строго заметила Дарья Семеновна.

— Пропагандисты переглянулись.

— Просмотрела я ваши журналы, ребята, — сказала старушка. — Почему «Безбожника» нет?

От неожиданности Петя охнул. Он изумился не больше бы, увидав на беговой дорожке «Динамо» отца Федосия.

— Нехорошо, — продолжала Дарья Семеновна. — Интересный журнал. Надо выписать.

Пропагандисты окаменели.

— Вы... Вы, значит, неверующая? — заплетаясь языком спросил Петя.

— Шестнадцать лет не верую, соколик. Пять лет кружком безбожников руковожу.

Петя бессильно опустился в кресло и извлек из бумажника письмо к митрополиту:

— Ваше? Вы писали?

Дарья Семеновна надела очки и, шевеля губами, медленно прочла жалобу на отца Федосия.

— Дарья Никитишна письмо, — уверенно сказала старушка. — Сухарковой, а я Сухарикова. Никитишна и писала. Никак ее от церкви не отвадишь. Не первый год с ней бьемся. Прямо замучились! Беда, что молодежь нам мало помогает. Да и вы, видать, в городе тоже безбожную работу забыли. Вот протирщица Матвеевна, у которой я давеча ночевала, по всему будто и сознательная, а в бога верит. На пасху, рассказывает, в церковь ходила. А жена ремонтера, из пятой квартиры, младенца крестить собирается. Вы бы ее хоть в Планетарий свели!

Петя растерянно взглянул на пропагандистов, но и они были весьма сконфужены.

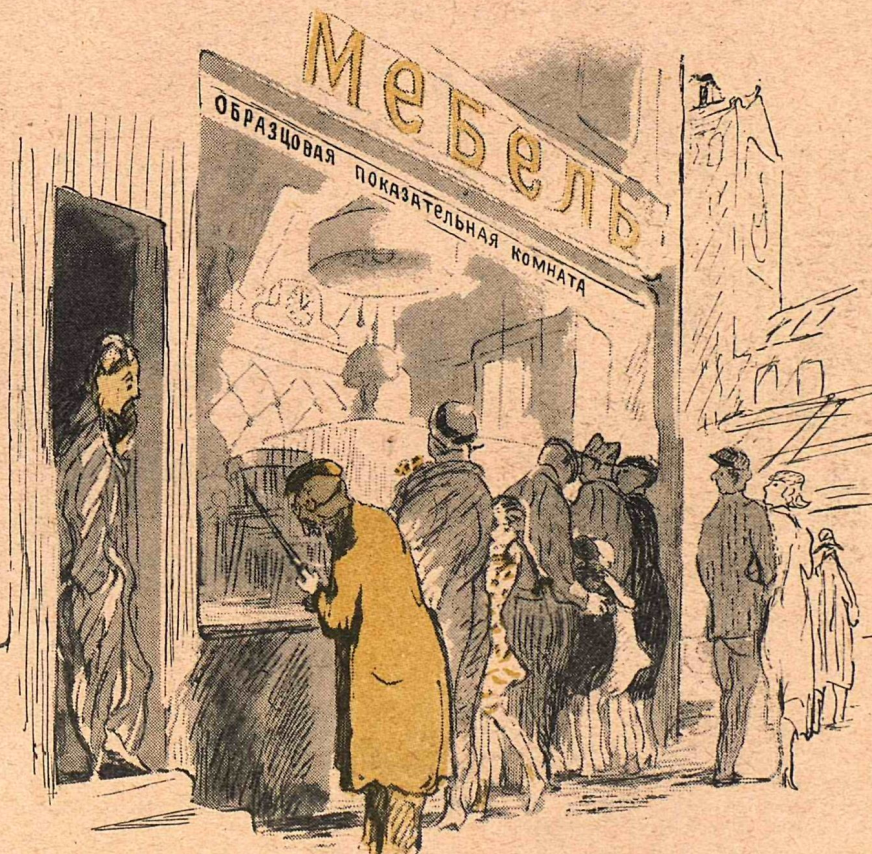
Е. и С. ШАТРОВЫ



— Эту инструкцию о работе телеграфа отправьте с нарочным. Почте я не доверяю.

НЕТАКТИЧНЫЙ ВОПРОС

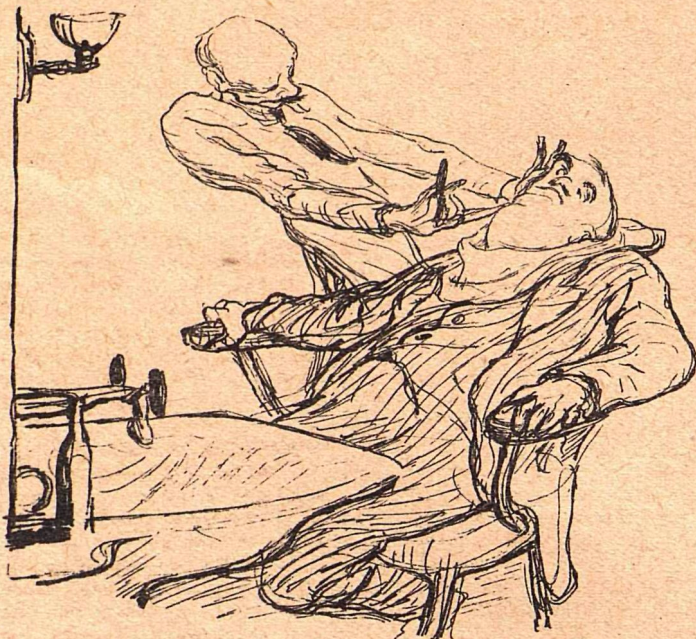
Рис. В. Горяева



— Простите, а вам не нужен для этой комнаты показательный жилец?

ПРАВИЛЬНЫЙ РАСЧЕТ

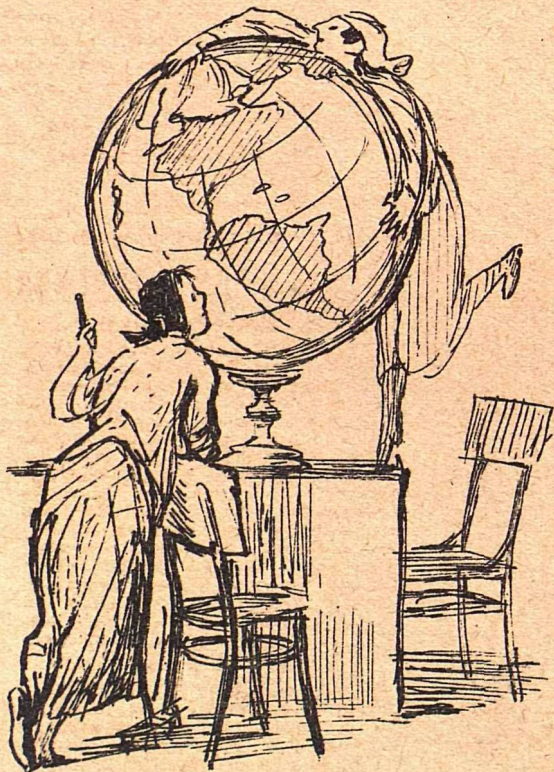
Рисунки В. Горяева



— Что же это вы берете за бритье рубль, когда в преysкyрайте полтинник?
— Да ведь у вас, гражданин, двойной подбородок.

ОХВАТИЛА НЕОБ'ЯТНОЕ В ГОСЛИТИЗДАТЕ

— К 25-летию со дня смерти Толстого мы выпустили третий том его сочинений, к 50-летию мы выпустим седьмой том, к 75-летию — пятый том, а к 100-летию — первый том.



— Много работы?
— Хватает. Шутка сказать, за день нужно стереть пыль со всего земного шара.

НА ДРУГОЙ МОТИВ

(Фильм А. Ивановского «Враги» по мотивам А. М. Горького)

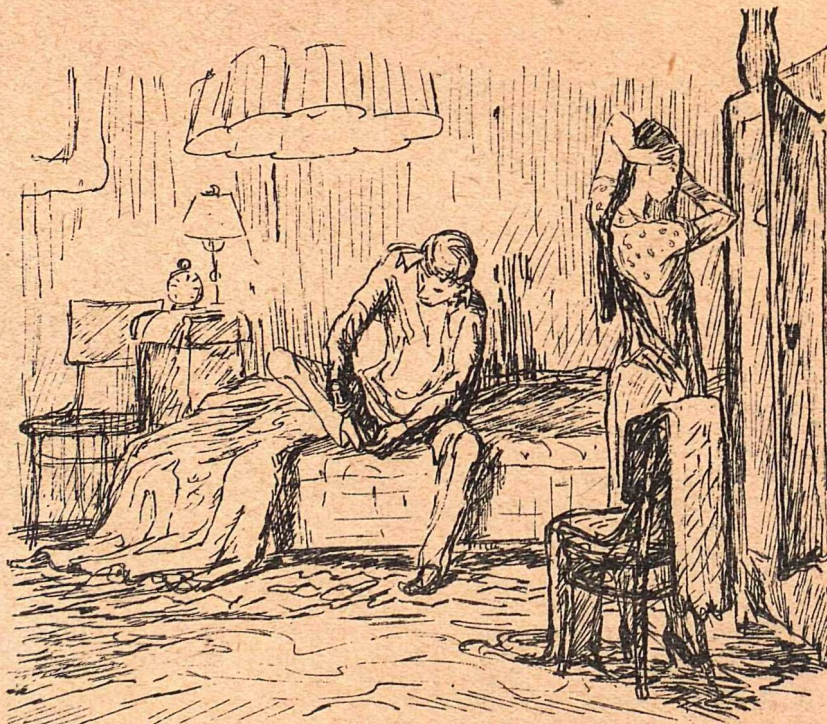
Мотив хорош. Какая жалость,
Что здесь мотива не осталось,
Что режиссер на свой мотив
Построил этот примитив.
Мотив хорош, но не всегда
Успеху служит он порукой.
Печально видеть, как вражда
Из фильма вытеснена скукой.

ОЛИВЕР СВИСТ



НАШЕЛ ВЫХОД

— Теперь посетители больше не жалуются, что порции маленькие!
— Увеличили их?
— Зачем! Просто стал хуже готовить.



ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

— Разбуди меня, пожалуйста, как только зазвонит будильник.

— Надо бы организовать комитет помощи певцам, потерявшим голос.
— А зачем? Ведь есть же радиокомитет.



Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Пока нас двое — обманутых управляющим трестом Москвошвей Кирьяновым и директором фабрики № 5 этого треста Перышкиным.

Нас двое: работница Ольга Кострева и я.

Ольга Кострева обратилась ко мне как к депутату Верховного Совета РСФСР. Она, Кострева, работала на фабрике № 5 Москвошвей. Была ударницей. Но после тяжелой болезни принуждена была перейти на инвалидность. Болезнь прогрессирует, и Костревой необходимо срочное лечение в Севастопольском институте им. Сеченова.

Я обратилась к управляющему трестом Москвошвей тов. Кирьянову. Через три дня трест прислал мне копию приказа: в приказе директору фабрики Перышкину предлагалось немедленно дать Костревой путевку. Перышкин лично меня заверил в том, что это будет сделано.

Мне случилось уехать из Москвы на два месяца. А по приезде я узнала, что тов. Кострева путевки так и не получила...

Ну, что же, дорогой Крокодил, обратись теперь ты в трест Москвошвей и на фабрику № 5. Обманутых будет трое?

В. БАРСОВА,

депутат Верховного Совета РСФСР
Москва

Дорогой Крокодил!

Ко мне как депутату Верховного Совета СССР поступает множество жалоб от трудящихся Феодосии на недостатки медицинской помощи населению. И вот, прочитав однажды справку, выданную Феодосийским горздравом, мне стало понятно, почему трудящиеся Феодосии жалуются на своих врачей. Вот что я прочел:

«Удостоверение

Даное сие гр-ке Москаленко Аале Никифоровне 1903 г. лет от роду работающему в колхозе «Им. Молотова» в должности трудодая колхозница в том, что при освидетельствовании В. Э. К. она признана одержимой органы порок сердца континг неврастении влияние нерв, следует работать из легких работ

Ст. врач Малоян

Члены врачебной комиссии
Дняно, Корняно, Черенин».

Остается спросить: знает ли крымский наркомздрав, что некоторые врачи Феодосии одержимы простой неграмотностью?

Р. АРНАУТОВ,

депутат Верховного Совета СССР

Товарищ Крокодил!

В августе этого года меня назначили директором средней школы в поселке Арск, Татарской АССР. Полный энергии и сил, прибыл я к месту назначения. Будущее рисовалось мне в самом радужном свете. Уже был написан ордер № 41 на полагающуюся мне как директору школы квартиру, которую занимал мой предшественник. Уже приступил я к работе, как вдруг все пошло прахом.

Узнав, что я (о, ужас!) холост, председатель поселкового совета Ибрагимов пришел в неописуемый гнев. Спешно был созван президиум. Здесь мое гражданское состояние было признано совершенно неудовлетворительным. «Ввиду того что гр. Бородачев (это я!) является в настоящее время холостым и

семейства нет, одиночка, предложить тов. Бородачеву подыскать частную квартиру», — сурово решил президиум и аннулировал выданный мне ордер.

И вот теперь я не знаю, как мне быть: то ли работать, то ли заниматься своими матримониальными делами. Помогите моей беде, уважаемый Крокодил! Внушите какибуль Ибрагимову, что директор школы, хотя бы в виде исключения, хотя бы временно, может оказаться холостым. Ведь ему, Ибрагимову, понять эту несложную истину все-таки легче, чем мне, Бородачеву, срочно искать супругу в малознакомом городе.

Г. БОРОДАЧЕВ,

директор средней школы

Поселок Арск,
Татарская АССР



Рис. Л. Генча

В УНИВЕРСИТЕТСКОМ САДУ

— Опять начался этот длинный промежуток между каникулами!

Дорогой Крокодил!

У Брема написано, что крыса — враг человека. Это не совсем так. Иному человеку крыса — верный друг, всегда готовый выручить его в тяжелую минуту. Заведующего магазином № 6 Шилового сельпо Наумова крысы, например, спасли от суда.

У Наумова в магазине обнаружили растрату 2878 рублей. Дело вел народный следователь Привиденцев. Установив, что «Наумов роскошной жизни не вел, пьянством не занимался, вещей не приобретал, а в магазине было много крыс-грызунов», следователь всю растрату постановил списать на крыс. Он даже точно подсчитал, что только лишь за 5 дней ревизии крысы сожрали разных товаров на 93 руб. 94 коп.

Растратчик Наумов теперь ног под собой не чувствует от радости.

— Вот, — говорит он, — обращаясь я с крысами хорошо, не травил, не истреблял, и благодарные грызуны с помощью следователя Привиденцова оплатили мне добро за добро. Как говорится, рука лапу моет!

СТЕПАНОВ,

инспектор госдоходов

Село Шилово,
Рязанской области

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ ОТДАЧИ

Как известно из заметки «Отдача отдаче — рознь» (см. № 19 Крокодила), Г. И. Фалеев и А. В. Перышкин изобрели пулемет оригинальной конструкции, описание которого они дали в своем учебнике для средней школы «Курс физики». Старший редактор учебников физики Государственного педагогического издательства проф. Е. В. Китлер сообщает: так как учебник содержал в себе, помимо этого, и другие недочеты, Наркомпрос РСФСР признал «Курс физики» Фалеева и Перышкина негодным, и в качестве учебника для средней школы сейчас утвержден «Курс физики» проф. И. И. Соколова.

СОН В РУКУ

Шоферу такси № МД-23-79 Добровольскому хотелось спать. Желание это он выразил столь недвусмысленным образом, что попал на страничку Крокодила (см. № 18). Проснулся окончательно Добровольский только после производственно-товарищеского суда 2-го Московского таксомоторного парка, решением которого ретивый шофер был снят с работы на таксомоторе и уволен из парка.

РАСШИФРОВКА ДОКУМЕНТОВ

Комиссия по приему и исключению из комсомола курского обкома ВЛКСМ сообщила комсомольцу Макурину, что по его делу решение принято следующее: в комсомоле, исключив, объявить выговор. Как было понять такой загадочный документ? А вот как: курский обком ВЛКСМ сообщает, что бывший председатель комиссии по приему и исключению из ВЛКСМ Гридасов, о котором была помещена заметка в журнале № 9, от работы в аппарате обкома освобожден.

Редактор — Мих. КОЛЬЦОВ. Редакция: Г. РЫКЛИН, Л. РОВИНСКИЙ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал 1 р. 00 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Рукописи не возвращаются

Москва, Изд. № 989

Сдача текста и рисунков 25/IX 1933 г.

Подписано к печати 13/X 1933 г.

Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б-54094 Типография газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2210. Тираж 275 000 экз.

45

✓. М 6539



Рис. Л. Генча

В ЛОНДОНСКОМ ЗООПАРКЕ

ПОСЕТИТЕЛЬ: — К чему эта надпись?
 СЛУЖИТЕЛЬ: — Пришлось вывесить, сэр... Дело в том, что теперь больше никто не верит, что это лев.

	период и серии	„Лег. реценз. й“	„Упр. лет“
Получ. в ред.	1972	21/8	
Сдан в архив	1972		

Всесоюзная Книжная Палата
 21 ОКТ 1953
 АРХИВ